

русского и западноевропейского романов: «Раскройте любую из 50 тысяч книг, ежегодно производимых в Европе. О чем они говорят? О счастье. Женщина хочет мужа, или некто разбогатеть, стать могущественным и уважаемым. У Диккенса цель всех стремлений героя – милостивый коттедж на лоне природы, у Бальзака – замок с титулом пэра и миллионами. Кто из героев Достоевского стремится к этому? Никто. Ни один. Они нигде не хотят остановиться – даже в счастья. Они всегда стремятся дальше, все они обладают «горячим сердцем», которое приносит им мучения» (2 : 121–122). Сказанное Цвейгом с полным правом может быть отнесено не только к героям Достоевского, но и к героям Тургенева.

Русская литература, когда ее впервые широко узнали, стала контрастом европейскому искусству. Удивляясь ей, западные писатели этого периода искали в русской литературе духовно-нравственного обновления, старались уловить в ней недостающее им самим, отмечали для себя особенности русской манеры, пытались усвоить их.

Библиографический список

1. И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. М., 1983.
2. Цвейг С. Собр. соч.: в 7 т. Т. 7. Л., 1929.

О. В. Белопухова

*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ Ф. ШИЛЛЕРА В РОМАНАХ И. С. ТУРГЕНЕВА 1850–1860-х ГОДОВ

Культурные и художественные традиции составляют один из существенных элементов творчества И. С. Тургенева, и среди них не на последнем месте стоит духовное наследие немецкой культуры. Несомненное влияние идей и творчества Ф. Шиллера на Тургенева было замечено довольно рано.

Тургенев, как известно, начал свою литературную деятельность, как поэт, автор стихотворений и поэм. Есть в его ранних стихотворных опытах и баллады. Ещё М. Гершензон увидел в его романтической поэме «Стено» (1843) «зерно романа». Возможно, отталкивание от «старой манеры» «Записок охотника» и обращённость к ёмким поэтическим образам как к зёрнам, из которых развёртывается роман, позволило Тургеневу создать синтетический в жанровом отношении роман. Такими зёрнами могли стать любовные сюжеты баллад Шиллера, ведь, по верному замечанию Г. Дудека, в основу «Рудина» и последующих романов Тургенева положена любовная история, дающая начало эпическому полотну (2 : 21). Баллада Шиллера, включённая в ткань повествования, сочетая в себе новеллистический тип композиции и стремительность развития сюжетного развития, сглаживает противоречие между романом и повестью в художественном мире тургеневских романов.

Обращение Тургенева к европейской балладной традиции и сам выбор имени Шиллера не был, как нам кажется, случайным. Баллады Шиллера представляли собой вершинные этапные явления в развитии жанра. Тургенев и Шиллер принадлежат к писателям, творчество которых несёт на себе отпечаток тесной связи с мировой литературой: реминисценции, разного рода литературные вкрапления, прямые сравнения с образцами мирового искусства создают определённую эмоционально-нравственную атмосферу, проясняют путь к пониманию авторской позиции. Романному творчеству Тургенева и балладному наследию Шиллера свойственны некоторые общие черты, дающие возможность говорить о глубоком проникновении шиллеровского осмысления мира и человека в художественный мир тургеневских произведений. Духовное влечение к великому Шиллеру оплодотворило многие его замыслы.

Шиллер в России считался романтиком. Даже и ныне о романтизме Шиллера иногда говорят у нас как о неоспоримом факте. Большинство учёных говорит о романтических тенденциях, элементах, началах в творческой системе писателя. В поэтике писателя-реалиста немало ярких черт, восходящих к романтизму. Шиллер для Тургенева был великим народным поэтом идеалов и высокой гуманности, он говорит о его сердечной теплоте и духовности. Закономерное усиление романтизма в 50-е годы XIX века проявилось у Тургенева не только в интересе к романтическим темам, сюжетам и образам, но и в обращении к романтическим жанрам, в том числе и к романтической балладе.

В «Дворянском гнезде» Тургенев упоминает шиллеровскую балладу «Фридолин» (в переводе В. А. Жуковского – «Путь в плавильню»), тем самым внося в роман шиллеровский «элемент», как бы отсылая читателя и к другим произведениям немецкого классика: ведь в трогательной истории любви главных героев романа Лизы и Лаврецкого по-новому преломляется тема «вечного томления» по недостижимому идеалу чистой платонической любви, являющейся ключевой во многих балладах Шиллера. Собственная судьба Тургенева, как и история Лаврецкого и Лизы в «Дворянском гнезде», схожа с сюжетом баллады Шиллера «Рыцарь Тогенбург» – литературного символа чистой платонической любви. Судьбы Фридолина и старого немца Лемма необычайно схожи. Женщина, которую они любят, никогда не ответит им взаимностью, не полюбит их, так и останется чистым идеалом, далёким и недостижимым, как звезды из романа Лемма.

История Базарова развивается также по схеме немецкой баллады «Рыцарь Тогенбург». Мотив шиллеровской баллады предопределяет события, описанные в романе. В истории Базарова и Одинцовой рождается новое видение мотива вечного томления по недостижимому идеалу. Параллельно главному герою Тургенев создаёт ещё одного Тогенбурга русской провинции. Роковая любовь Павла Петровича восходит, очевидно, также к балладе Шиллера, перенесённой на русскую почву.

Роль шиллеровских баллад античного и средневекового цикла («Торжество победителей») исключительно важна для романного творчества Тургенева. Библейский мотив дымного столпа, ведущего человека к Богу, к истине, как нельзя лучше соответствует надеждам и чаяниям автора «Дыма» о выходе России из

неустойчивости настоящих исканий на верный путь. Более существенным, чем частные случаи текстуальных совпадений или тождества сюжетных положений и мотивов, являются моменты сходства именно общих принципов поэтического мышления героев в романе. Рассуждения тургеневских идеалистов представляют подробную разработку (в поэтической форме) тех мыслей, а отчасти тех образов, которые проходят в балладах Шиллера. Баллады Шиллера будили те же мысли, которые породила в русском писателе современная ему социальная обстановка, помогали обобщать наблюдения и переживания, вызываемые зрелищем произвола и несправедливости, царящей в России. Тем самым в балладах Шиллера следует видеть отнюдь не книжный источник, из которого Тургенев черпал сюжеты, ситуации, отдельные образы и даже сентенции, а явление, полное живого политического содержания и служившее опорой для новых идейных и художественных поисков. Для Тургенева, мыслителя и художника новой исторической эпохи, вопросы непосредственно искусства, стоящие в центре внимания Шиллера, отходили на второй план. Тургенев унаследовал, прежде всего, этический пафос Шиллера, утверждение энтузиазма как своего рода идеальной нормы духовной и общественной жизни человека, поиски подлинно гуманных отношений между личностью и обществом, хотя в философском объяснении мира и человека приходил к иным, уже не романтическим выводам.

Факты свидетельствуют, что с поэзией Шиллера Тургенев познакомился не только в оригинале, но и через русские переводы. Творчество В. А. Жуковского, познакомившего русскую литературу с традициями западноевропейской баллады, заслуживает особого внимания. Однако уже Яков Пасынков и его автор видят в «Идеалах» Шиллера «непримирение, самоутверждение, сопротивление судьбе» (1 : 77), а не сентиментальный романтизм Жуковского. Изучение весьма оригинальной деятельности Жуковского как посредника между немецкой романтической литературой и Тургеневым выливается в проблему восприятия русской интеллигенцией творчества Шиллера в его «обрусевшем варианте».

Связь Тургенева с Шиллером видна, прежде всего, в изображении характеров, сложном сочетании в них социально-типических проявлений с общечеловеческим содержанием. Шиллер и Тургенев, каждый в меру своего таланта, отразили в своих произведениях определяющие черты человеческого характера, не поддающиеся влиянию «переоценки ценностей», и тем самым остаются для нас высоким духовным ориентиром.

Прослеживая генетическую литературную преемственность Тургенева с немецким классиком, следует отметить черты сходства в идейно-эстетическом отношении писателей к действительности. Однако, при всей духовной связи с Шиллером, Тургенев – писатель иной исторической эпохи и поэтому решает эстетические задачи в соответствии с новыми требованиями времени.

Библиографический список

1. Данилевский П. Ю. Стихотворная цитата в повести «Яков Пасынков» // Тургенев и его современники.
2. Dudek G. Zur Genrespezifik der Romane I.S. Turgenews // Zeitschrift der Slavistik. 1977. В. 2